

МБУК «Усольская городская централизованная библиотечная система»
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА
Отдел библиографии и краеведения

« Репрессии. Как это было...»

16+

30 октября

**Боль по отцам
не проходит с годами
Как вспомнишь,
так сердце опять защежит.
В мире все тленно,
нетленна лишь память.
Ее для потомков
пусть каждый хранит...**

**ДЕНЬ ПАМЯТИ ЖЕРТВ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ**

**Они мирно жили и трудились, но в одночасье все изменилось.
Сломаны судьбы, надломлены души...**

30 октября 2020 года Россия 29-ый раз отметит **День памяти жертв политических репрессий**; утвержденный постановлением Верховного Совета РСФСР от 18 октября 1991 года.

Дата выбрана не случайно, это тоже памятное число - 30 октября 1974 года начали голодовку в знак протеста против политических репрессий в Советском Союзе узники мордовских и пермских лагерей, требуя признания статуса политзаключенного.

Жителям Иркутской области таким напоминанием служит мемориальный комплекс памяти жертв политических репрессий «Пивовариха» под Иркутском.

Много пришлось испытать нашему народу в XX веке: две мировые и Гражданская война, голод, разруха, политическая нестабильность унесли десятки миллионов жизней.

Особо страшными страницами истории стали политические репрессии. Более того, уничтожались лучшие из лучших, у которых и в мыслях не было бороться против своего народа. Тысячи инженеров, сотни тысяч замученных, расстрелянных партийцев, миллионы крестьян, оказавшихся жертвами раскулачивания...

Маршалы и генералы, ученые и поэты, писатели и артисты, которые на самом деле были преданы своей Родине.

Политические репрессии, начавшиеся с конца 20-х годов и в начале 30-ых годов в стране, проведенные по воле советского руководства, стали государственным террором против миллионов крестьянских хозяйств. В Сибирь пригоняли сотнями раскулаченные крестьянские семьи из европейской части России. Основными районами ссылки семей раскулаченных были Западная и Восточная Сибирь.

По данным отдела по спецпоселенцам ГУЛАГа и ОГПУ в 1930-1931 годах в эти территории на спецпоселения было отправлено 391026 семей численностью 1803392 человека.

Раскулачивание

Раскулачивание в истории нашей страны занимало определенное место в жизни крестьянства и имело влияние на развитие сельского хозяйства.

Ликвидация кулацких хозяйств имела своей целью прежде всего обеспечить коллективное хозяйство материальной базой. Так, с конца 1929 года до середины 1935 года было передано колхозам имущество кулаков на 175 миллионов рублей.

Кулаков выселяли с семьями, грудными детьми, стариками. В холодных вагонах, с домашним скарбом (минимум) везли тысячи и тысячи людей в районы Урала, Сибири, Казахстана.

Раскулачивание проходило под лозунгами:

- Кто больше дает кулаков в порядке социалистического соревнования, боясь обвинения их в правом уклоне.
- Долой с плеч кулака шубу и на плечи батраку и бедняку.
- Кто не в колхозе, тот на Ангаре

Хакасский округ оказался таким образом единственным из 17 округов Сибирского края на **100%** выполнившим план выселения кулаков за пределы округа. Для погрузки их семей было подано 6 эшелонов из 50 вагонов. Их привезли в Канск. Дальше вглубь Приангарья они должны были двигаться гужевым транспортом.

Первыми пунктами ГУЛАГа в Иркутской области стали побережье Ангары, Тайшетский район и город Черемхово.

В свою очередь, в первой половине 1931 года в Хакасию шли ссыльные потоки из Читинской области и Республики Бурятия, из Восточной Волыни и Восточного Подолья.

В кулаки могли зачислить и тех, кто имел лошадь, двух коров, хороший дом. Иногда и даже зачастую, в кулаки записывали середняков и даже не угодных по каким-либо причинам бедняков (который имел одну коровенку).

По приказу Ежова от 15 августа 1937 года
у репрессированных родителей за год
изъяли **17 355** детей

РОССИЯ К

1937 год стал пиком политических репрессий в Советском Союзе. Были арестованы и в большинстве случаев расстреляны десятки тысяч ни в чем не повинных партийных, военных, инженерно-технических, культурных, медицинских деятелей, ученых, учителей, рабочих, колхозников. Волна арестов дошла до Восточной Сибири к концу 1937 года, когда в Иркутске были арестованы и преданы суду несколько троек «организованных террористических групп», готовивших разрушительные мероприятия на жизненно важных объектах города и области.

Органы НКВД (народный комиссариат внутренних дел) не обошли своим «чутким вниманием» и наш старинный город Усолье. Массовая кампания по выявлению «вредителей» советской власти началась в Усолье сразу после встречи нового 1938 года. Группы «заговорщиков» были выявлены на старейших предприятиях: сользаводе, ФСК «Байкал», на станции «Ангара», как тогда называлась железнодорожная организация. По поводу солеваров и спичечников автору этих строк мало что удалось выяснить, а вот об аресте большой группы усольских железнодорожников и вынесении им самого сурового приговора суда доподлинно известно, так как до сих пор живы и здоровы свидетели тех страшных событий.

Усольские кулаки

Раскулачивание в истории нашей страны занимало определенное место в жизни крестьянства и имело влияние на развитие сельского хозяйства.

Ликвидация кулацких хозяйств имела своей целью прежде всего обеспечить коллективное хозяйство материальной базой. Так, с конца 1929 года до середины 1935 года было передано колхозам имущество кулаков на 175 миллионов рублей.

Кулаков выселяли с семьями, грудными детьми, стариками. В холодных вагонах, с домашним скарбом (минимум) везли тысячи и тысячи людей в районы Урала, Сибири, Казахстана.

В кулаки могли зачислить и тех, кто имел лошадей, двух коров, хороший дом. Иногда и даже зачастую, в кулаки записывали середняков и даже не угодных по каким-либо причинам бедняков (который имел одну коровенку).

Эти события не прошли мимо Усолье-Сибирского.

По улице Крестьянина и Базойской (Крупской) жили несколько крестьянских семей. Все мужское население работало на сользаводе.

Это четыре брата Журавлевых, два брата и отец Кияненко, отец и три сына – Кулемины, отец и пятеро сыновей – Молчановы (имели всего 12 десятин земли), отец и трое сыновей – Воробьевы (по клочкам 20 десятин), Сергеев В.И. и пять сыновей – 6 десятин. Братья Журавлевы пахали землю, сеяли хлеб и работали на сользаводе. Во время образования колхозов земля Журавлевых перешли в колхоз «1-го Мая», находящийся в деревне Бадай. Деревня находилась в правом берегу реки Белой. В настоящее время снесена. В последствии на этих полях обосновалось

овощеводческое хозяйство «Заря».

Семьи Молчановых и Гражданцевых имели пахотные земли – их земли вначале занимал колхоз «Красный Животновод», деревня Зайцево (снесена).

В настоящее время перевернул всю землю каменный карьер. На земле В.Булатова вначале построили поселок «Вакуумный», в настоящее время – садоводство «Солевар» (это напротив сользавода).

На Кулемином поле очистные сооружения Водоканала. На полях Сергеева – управление ремстроя (в настоящее время все разрушено). На полях И.Тыщенко – построен бывший завод свай ГСФС (Гидроспецфундаментстрой) и водозабор «Ангара». На полях Рожественского – комбинат «Сибсоль».

На улице Крестьянина жил крестьянин В.Ф.Воробьев в большой крестьянской семье. Как и все молодые люди женился и получил от отца хороший пай земли. Стали появляться дети, первая дочь Анна, затем Иван, Ольга, Федор, Василий. Семья росла, требовалось расширение усадьбы.

С помощью своих родных В.Е.Воробьев построил свое гнездо. Строили дом несколько лет. Новоселье справил в 1905 году. Дом получился добротный - на высоком фундаменте, общая площадь 230 квадратных метров. В 1929 году сыну Ивану построили дом на улице Бадайской (Крупской). Дом красуется до сих пор, № 19. В 1930 у Воробьевых на дворе было шесть лошадей, два жеребенка, три коровы, два быка, 10 овец, три свиньи, курицы, гуси и утки. Сено косили далеко от дома в верховьях речки Хайтинки – в 40 километрах от дома. Земельные наделы находились в разных местах. На полях сеяли пшеницу, рожь, гречку, просо, горох, яч-

мень, овес, коноплю. Овощи и картошка - в огороде, около своего дома.

Во дворе под навесом находился сельский инвентарь: две сохи, два плуга, четыре бороны, одна сеялка, сани-розвальни – 4 шт., одна кошева, одна молотилка, две телеги, четверо дрог. Стайки для коров, конюшни для лошадок, свинарник, курятник для содержания птиц. Большой амбар.

Всем хозяйством управлялись своим семейством. В исключительных случаях нанимали женщин на вязку снопов.

В конце 20-х годов по всей стране началась коллективизация. Сам хозяин В.Воробьев в 1931 году отделил второго сына Василия, который в декабре 1931 сдал свое хозяйство в пользу государства (протокол № 9/12-31 года).

Сыну Федору построили дом на улице Новоникольской (Пушкина). Прошел слух о раскулачивании. Настал 1934 год, на улице Крестьянина пришли представители власти, и началась перепись, а затем конфискация пахотной земли, сельхозинвентаря, скота.

У всех перечисленных выше хозяев конфисковали все, выселили из домов. Сам В.Воробьев не был два года. Приехал, поселился у сына Ивана, дождал до 1944-го. Скончался в возрасте 80 лет.

Настал 1937 год – началась ежовщина. Начались массовые аресты. Из семьи Воробьевых арестовали сыновей Ивана и Василия – как сыновей кулака. Где сгинули они, никому не известно.

Усадьбы и дома в настоящее время все разорены, дома снесены или погорели. В настоящее время в Усолье живут правнуки Воробьева-старшего. Никто не хочет покидать родные места.

М.Аринкин

Аринкин Михаил Васильевич. Усольские кулаки / М. Аринкин // Усольские новости и мировые репортажи. - 2010. - 23 сент.

По улице Крестьянина и Базойской (Крупской) жили несколько крестьянских семей. Все мужское население работало на сользаводе.

Это четыре брата Журавлевых, два брата и отец Кияненко, отец и три сына - Кулемины, отец и пятеро сыновей - Молчановы (имели всего 12 десятин земли), отец и трое сыновей - Воробьевы (по клочкам 20 десятин), Сергеев В.И. и пять сыновей - 6 десятин. Братья Журавлевы пахали землю, сеяли хлеб и работали на сользаводе.

Гулаг в Усолъе

До войны в нашем городе не было ни спецлагерей, ни специзоляторов. В 1941 году на остров Варничный стали прибывать заключенные. Ведь надо было кому-то работать на сользаводе. Мужчины ушли на фронт. Остались женщины и старики. А выварка соли производилась как механическим способом, так и ручным в варницах с чренами - квадратными металлическими сковородами длиной 15, а шириной пять метров. В чрены заливали соляной рассол, а под низом горел уголь, и рассол выпаривался, а соль оставалась, перерабатывалась. Заключенные, а их было примерно 500 человек, работали на сользаводе кочегарами, центрифуговщиками, транспортерщиками, углевозами. А уголь возили со складов до чренов в вагонетках, в которых помещалось до одной тонны угля. Каждую вагонетку, как правило, сопровождали четыре человека - по два с одного и другого боксов, разгружали и вновь отправлялись за углем. И так каждый день. Были побегии, но редко. И эта спецзона на сользаводе просуществовала до конца войны с Японией, а затем наших заключенных заменили японские военнопленные.

В нашем городе были и другие зоны, откуда заключенных водили на строительство промышленных предприятий, например, завода горного оборудования. Здесь было две зоны: одна - женская, находившаяся в шлакоблочных бараках, мимо которых сейчас проходит трамвайный путь на вокзал по улице Дзержинского, а другая зона - мужская - располагалась на территории теперешнего профилактория Усольмаша. В общей сложности на возведении ЗГО работали 2000 заключенных. Также они работали на технологических процессах кирпичного завода.

Четвертая зона численностью до тысячи человек находилась за мясокомбинатом, который тоже строился силами людей этой категории. А после мясокомбината заключенные этой зоны строили клейзавод. Пятая зона, которую еще называли лагерь № 17, насчитывала до трех тысяч человек, и возводили заключенные этой зоны химфармкомбинат, новые цеха химкомбината, а также принимали участие в строительстве Дворца культуры на Комсомольской площади и Дома культуры по улице Ватутина. Помнится, что на базе мясокомбинатовской зоны впоследствии был открыт лечебно-трудовой профилакторий.

«Усольлаг»

Согласно архивным данным, «Усольлаг» был филиалом Китойлага и значился как 21 отделение.

21 отделение организовано в 1949 г. Общая жилая площадь составляет 2000 м². Жилой фонд представлен в виде 2-х кирпичных барачков, построенных в 1956 г., и каркаснозасыпных юрт - ветхих и подлежащих сносу.

В лагоотделении имеется одна баня, столовая, прачечная, магазин, вещевая каптерка, мастерская. Все помещения каркаснозасыпного типа, ветхие. В 1956 г. построена общеобразовательная школа.

Имеется ШИЗО (штрафной изолятор - прим, автора). Лимит наполнения 1000 человек. Лагоотделение имеет постоянные производственные объекты: «Кирза-вод» г. Усолье-Сибирское, строительство домов жилпоселка (сведения из справки характеристики «Лагподразделение Китайского ИТЛ», Архив МВД, г.Иркутск).

Разгадка об Усольлаге, а вернее об Усолье, пришла после празднования 50-летия завода горного оборудования после поездки в Москву корреспондента Леонида Мухина. Там архивисты «Мемориала» подобрали данные из ГАРФа (Госархив Российской Федерации), а, вернее, материалы МВД, переданные только что в солидный центральный архив. Естественно, об Усолье. К слову сказать, такие сведения есть в Иркутске, но местные военные чины боятся разгласить «тайну» пятидесятилетней давности. Теперь тайна становится явью и появится в книге-справочнике по ГУЛагу, куда войдут только архивные материалы поболее чем 600 лагерям разного масштаба. Под номерами 155 и 443 значатся справки с названием: «ИТЛ и строительство Усольского завода горного оборудования» и «Усольский ИТЛ (Услаг)». В первой говорится, что лагерь организован 18.02.1947 г., его литер ВЗ, телеграфный код «Провод», заключенные занимаются строительством завода, деревообделочного и ремонтно-механического цехов, ЦЭС, жилья, железнодорожных путей, лесозаготовками, добычей камня, песка, гравия, изготовлением шлакоблочных камней.

Во второй справке речь идет о реорганизации из ИТЛ в «Услаг», и более полно представлена статистика о численности и начальниках: в 1947 г. было 709 заключенных (на 1 июля), потом 1514 (на 1 сентября) и, наконец, на 1 ноября контингент посолиднее - 2396. 1950 г. - 1400 человек, 1952 г - 1087, в том числе 273 женщины и 81 осужденный за контрреволюционные преступления, 1953 г. - 767.

Начальников было несколько: А.П.Филипенко (1947 г.), потом инженер-капитан А. Г. Исаченко (1947 г.), упоминается инженер-капитан Гаврилин (в 1951 -52 гг.) и и.о. начальника майор Натаскаев (почти всех руководителей можно увидеть на фотографиях в музее завода горного оборудования, но там на «Услаг» даже намек нет).

Ссылъные в Усолье

Они отказываются вспоминать о днях самой счастливой поры жизни: детства и юности. Украинка, для которой русский язык стал родным в Сибири и литовка, разлученная с матерью в пять лет. Литовскую семью раскулачили, а украинскую девчонку выслали за то, что она как будто сочувствовала немцам. Суть рассказов этих двух женщин сводится к тому, что семьи разбивали и распределяли по разным пунктам ссылки. Много лет понадобилось бабушке с внучкой из Литвы, чтобы разыскать маму девочки, а Сибирь стала для них вторым домом, в этой земле представители старшего поколения нашли последний приют. А Анну с Украины пытались разлучить с трехмесячным сыном.

«Меня повезли в одну сторону, сына в другую. Я чуть с ума не сошла. Это напишут сейчас в Украине, а не здесь - это же русские нас высылали». Очень грубо с нами обращались. Что тут вспоминать - не хочу, даже не проси. Я жила и при польской власти, и при немецкой, и при советской, всего пришлось испытать. Мы же не виноваты, что русских не любили - так нас воспитывали. А в чем мы немцам помогали - ни в чем. Жили да жили, мама у нас неграмотная была, ребятишек полно в хате - голодали, как все. Отца выслали сразу после войны, меня позже. Не хочу больше говорить. Это я внуку рассказала, который на Украине, так он говорит: «Бабушка, ты у нас - герой, как ты это вынесла? Я потом, когда к отцу приехала сюда, от всех скрывала, что у меня отца сослали, это было уже в шестидесятих годах».

Трудная судьба и нелегкая старость этой героической женщины заслуживает отдельного рассказа, но она уверена, что здесь, в России, такими воспоминаниями делиться небезопасно. И, наверное, можно понять этот страх, который жил с матерью, чуть не потерявшей грудного сына, и стыд за какую-то абстрактную нелюбовь к русским одного человека, тогда как на западе Украины эту нелюбовь теперь даже не скрывают. И кому какое дело, что испытывала и думала ли об интернациональной дружбе неграмотная деревенская девчонка, дочь украинского крестьянина и польки. Она и читать-то по-украински не умеет - обучена грамоте русской, хотя разговорная речь на русском ей дается с трудом по прошествии сорока пяти лет проживания в России, а на украинский переходит с легкостью при удобном случае. Нет, ни одна из этих двух женщин не жила в бараках, которые располагались напротив проходной сользавода. Об этих бараках на Вакуумном вспоминают усольские старожилы. Бараки были деревянные - пять или шесть. Там жили люди, сосланные из районов западной Украины, Белоруссии и прибалтийских республик. Внутри жилищ зимой было настолько холодно, что вода в ведрах замерзала, печи топили опилками. Ночью местные жители приходили к ссылъным и продавали им валенки и хромовые сапоги. Днем опасались встречи с милицией. Хотя официальной охраны барачников не наблюдалось, все, конечно, понимали, что иметь дело с высланными опасно. Ссылъные сначала строили для себя жилье, а после участвовали в строительстве сользавода. Многие так и остались там работать.

Без права выбора

Тайное и явное

"Бери больше, кидай дальше - отдохнешь, пока летит". Эти строки из эпохи первых пятилеток и великих народных строек в стране, где так вольно дышит человек, где официально осуждалось угнетение народа и подневольный труд. А на деле выходило все наоборот.

Десятки миллионов людей в сталинских лагерях умирали от непосильного, подневольного труда. Остальные, убаюканные сладкими речами вождя о свободе, сами добровольно становились рабами. Порой даже не получая никакого заработка, не считаясь со временем, гробили здоровье и тешили себя надеждами на призрачный мираж светлого будущего, не зная точно, доживут ли они до тех сказочных времен. Люди просто работали, потому что думать в свободной стране было делом небезопасным. В данном случае отношение к свободе и справедливой оплате труда показательным, на мой взгляд, является в понимании немецких пленных, оказавшихся в советских лагерях после окончания Великой Отечественной войны. Историки ссылаются на случаи восстаний и отказов от работы пленных немцев только из-за того, что им на несколько дней задерживали зарплату. Немцы знали, что рискуют жизнью, но не могли позволить себе опуститься до уровня рабов. И такое достоинство проявляли те, кого советская пропаганда называла выходцами из прогнившего капиталистического строя, где главенствует эксплуатация человеческого труда. А у нас партийное и комсомольское начальство ценю человеческих жизней утверждало идеал всеобщего счастья, а у строителей "коммунистического рая" не было права

на борьбу за человеческое достоинство, был лишь выбор: работать на воле или в лагере.

История жизни **Зои Яковлевны Барабанциковой**, комсомолки и труженицы, наглядно отражает действительность той страшной эпохи. В сороковом году дочь служащего **Зоя Черемных** окончила школу и стала с матерью

работать в колхозе, в родном Нижнеилимске. Но началась война и всех мужчин в селе, в том числе и троих братьев Зои, забрали на фронт. Сейчас **Зоя Яковлевна** с гордостью рассказывает о том, что ее одноклассником был **Коля Черных**, ставший в последствии героем Советского Союза. Жить было трудно во время войны. Женщины работали на колхозном поле, хлеб - на фронт, молоко, масло и яйца с личных подворий - на

фронт. Спустя годы **Зоя Яковлевна** удивляется тому, что во время войны несколько лет подряд был урожаем на картофель. После войны его уродилось много. **Зоя Яковлевна** вспоминает, как четыре комсомолки пешком поднимались вверх по реке Илим. Девушки принимали участие в культбригаде. Голодные, они прошли девяносто километров, отработали культурную программу для местных женщин и, совершенно изможденные, попросили в деревне хлеба. Но девушкам вежливо ответили, что мол, свои колхозники сидят голодные - хлеба нет. Девчата вышли на реку и

ми строила аэродром, куда приземлялись американские самолеты, доставлявшие помощь Советскому Союзу. На стройке работали вечером. Сначала очистили поле от кустарника, затем вручную, с помощью лопат, а порою и руками выравняли холмики на поле: "С песнями аэродром строили. Меня петь заставляли, - вспоминает **Зоя Яковлевна**. Я не хотела - неудобно. А потом мы ручными катками полосы трамбовали. Самолеты прилетали целыми группами, первый - большой и двенадцать маленьких. Красиво шли, как птички садились". В конце войны **Зоя** работала на Байкале, добывала с бригадой рыбу для фронта. "Вот здесь мы наелись омуля, - вспоминает она, - хотя за работу тоже не платили. И что интересно, волна была, сарма называется, поднимет на волне плоскодонку и трах о берег, вода - стеной, ничего не видно, а схлынет - в небе солнышко. Страшновато было, тогда-то я молиться научилась".

Спустя много лет, потеряв здоровье и силы, **Зоя Яковлевна** ничуть не жалеет о прошлом. Она вспоминает, как в пятидесятых годах уже в Усолье-Сибирском, куда приехала, чтобы дать детям образование, она работала в райпотребсоюзе, откуда была направлена на курсы режиссеров. Затем работала в СМУ-6, строившем трамвайные пути, затем в школе № 12. "Работать было интересно", - говорит **Зоя Яковлевна**. Вот так, много и честно работая, встречая на жизненном пути интересных людей, живет простая русская женщина. Вся ее жизнь в заботе о детях и внуках. И сейчас **Зое Яковлевне** скучно без дела, она вяжет небольшие круглые коврики, дарит их родным и друзьям.

Светлана СИНЬКОВА

Что было, то было

Неумолимо уходит время, унося с собой людей и семейные предания, рассказать о которых могут лишь свидетели событий или их дети, поэтому я решила создать альбом и написать историю своей семьи.

Обнаружилось, что белым пятном в ней является судьба моего деда по материнской линии. С помощью дяди мне удалось разыскать среди многих снимков фотографию деда, где запечатлены лица незнакомых нам людей. Раньше, когда была жива бабушка, она не раз просматривала эти фото, но утверждала, что на них деда нет. За сорок с лишним лет вдовства она забыла даже даты его рождения и смерти. И уж подавно не рассказывала о семье. Лишь в конце девяностых годов она случайно проговорила о своей свекрови, и я по крупицам стала вытягивать воспоминания из закрытой шкатулки ее памяти. Рассказывала она неохотно, и только теперь я понимаю, что виною тому был страх, который десятилетиями вбивали людям. Единственной данью памяти, что бабушка оказывала мужу, были блины в Петров день и ее слова: «Царство небесное моим Петрам, брату и мужу». И на настойчивые расспросы моей матери о том, куда же исчезли фотографии ее отца, она снова отвечала, что не помнит, были ли они вообще.

Вышла бабушка из рабочей семьи. Ее отец работал на КРЖД. Она любила вспоминать эти годы. До того момента, когда в клубе познакомилась с парнем из казачьей станции. В 1926 году они с Петром Филипповичем поженились, родился сын Вадим, год спустя дочь Надежда. Семья

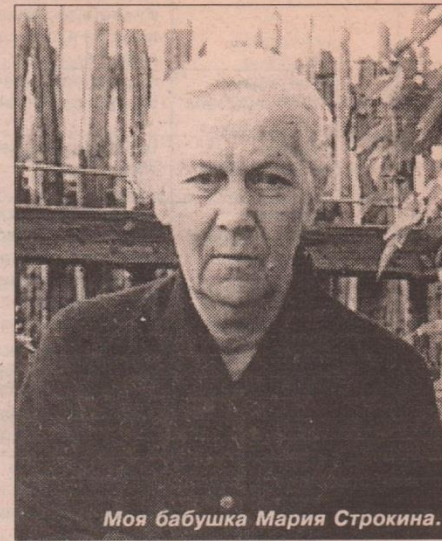
Мой дед Петр Лобанов.

Лобановых, откуда происходил дед, считалась по советским меркам кулацкой: имели пять домов, держали батрачку, но работали прежде всего сами: родители, Филипп и Анастасия, и шестеро детей.

Распад семейного гнезда положила коллективизация. Сыновья уехали, один из них попал под поезд, другого убили. Дочь Капитолина не вынесла этих вестей и повесилась. Вскоре умерла мать Анастасия. Семья была раскулачена, и несчастного отца дочь увезла в Улан-Удэ. У второй дочери тоже отобрали заимку. В то время

С клеймом «врага народа» ПО ЖИЗНИ

бабушка с мужем жили уже на другой станции, дед работал счетоводом. Он, деклассированный, сорванный с родной ветки, всю жизнь не мог найти место, где можно было обосноваться. Страх быть арестованным гнал его по железной дороге на запад, от забайкальской станции Адриановка за одиннадцать лет они доехали до Усолья с кратковременными остановками и переменой мест жительства и работы. Дольше всего задержались в Иркутске, за три года сменили пять или шесть домов, дед никак не мог приработаться, а бабушка стала ударницей труда на швейной фабрике. В Иркутске родилась моя мама, но в том же году переехали в Усолье. Здесь дед подвергнулся аресту, но в его невиновности разобрались и отпустили. Не знаю, куда бы увез он свою семью, если бы в самом начале войны не проспал на работу и, опасаясь преследования, очень переволновался. Случился сердечный приступ, а сердце у него было больным с детства. Через несколько дней в больнице он скончался. Бабушка работала в госпитале и жила в маленькой избушке на территории курорта. За три года жизни в Усолье они с дедом тоже сменили несколько домов. Бабушка с маленькими детьми настолько устала ютиться в съемных проходных комнатах и пользоваться «благами» общей печки и кухни, что эта маленькая развалиюшка показалась ей раем. Так и прожи-

Моя бабушка Мария Строкина.

ла в ней двадцать лет. Замуж она больше не выходила, опасаясь найти детям плохого отчима. К ней, конечно, проявляли интерес. Например, плотник с курорта приносил дрова, заговаривал, а дочь сказала, что было бы неплохо, если он станет жить с нами. А на другой день плотник был объявлен «врагом народа», что еще раз убедило бабушку в правильности своего одиночества. Потому что в этой стране не то, что связь с врагами, но даже воспоминания о них были под строжайшим запретом.

Светлана СИНЬКОВА.

На зоне один зэк спрашивает другого:
 - Ты политический?
 - Да.
 - А кем работал?
 - Сантехником.
 - А как вышло, что ты политический?
 - Да вызвали меня как-то в горсовет. Раковина у них в туалете сломалась. Ну, я посмотрел и сказал, что пора менять всю систему...

Этот анекдот невольно вспомнился, когда, листая первый том книги «Жертвы политических репрессий», изданный в 1998 году, я наткнулся на запись:

«Аргибаем Саит Иламбаевич, 1890 г.р., урож. с. Идрисово Уфимской области Башкирской АССР, проживавший в пос. Шадрино Черемховского района, Иркутской области, работавший ассенизатором Черемховского треста Востсибуголь, б/п, башкир, арестован 19.11.45 г., приговором Иркутского областного суда от 28.01.46 г. по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР осужден к 6 годам лишения свободы, реабилитирован заключением прокуратуры Иркутской области от 28.12.92 г.»

Пресловутая статья 58-10, по которой был осужден бедолага, вменяла ему не менее не более чем «призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти».

Каких только абсурдных обвинений не выдвигалось против простых, ни в чем не повинных людей, за которые пришлось расплачиваться годами тюремного заключения, лишением в правах, а зачастую и жизнью.

Только в городе Усолье-Сибирское и районе сегодня насчитывается 809 человек, пострадавших от политических репрессий и в новом времени реабилитированных от произвола апологетов Советской власти. А вот 40 человек в городе и районе числятся пострадавшими, на которых не распространяются те жалкие привилегии, которыми пользуются остальные.

А есть среди репрессированных просто удивительные судьбы людей, ходивших по лезвию бритвы и чудом оставшихся в живых. Такова, к примеру, жизнь Георгия Александровича Пенькова. Он родился и рос в рабочей семье. Дед, он же крестный Егор Лукьянович Пеньков, кузнец, до 1930 года работал в Иркутске на заводе имени Куйбышева. Отец с семьей не жил, и все тяготы легли на плечи матери-портнихи, содержавшей и воспитывавшей четверых детей. В 1926 году мать умерла, и с 14-ти лет Георгий пошел на заработки учеником слесаря, молотобойцем. Работал подручным котельщика в затоне водного транспорта. Парнишка упал в трюм парохода, отшиб легкие, сломал позвоночник и оказался инвалидом II группы, не способным к физическому труду. На пенсии учился играть на кларнете и в 1930 году поступил добровольцем в муззвезд 77-го дивизиона ВОГПУ в Иркутске. И там не смог работать. В 1932 году приобрел специальность радиотехника и по 1932 год работал в органах МВД. Но болезнь не давала покоя, требовался сухой климат и в 1936 году Георгий переезжает в Забайкалье, где на руднике работает по приобретенной специальности, назначается заведующим радиостанции и радиоузла на комбинате Вершина Дарасуна в Шилкинском районе Читинской области.

7 мая 1943 года в дом № 58 по улице Ленинской, где проживал Георгий Пеньков, нагрянули с обыском энкаведешники. Изъяли документы, письма и фотографии, охотничье ружье, принадлежности к нему и увели хозяина.

В обвинительном заключении, составленном в июне 1943 года старшим следователем отделения госбезопасности Читинской области, Г.А.Пенькову вменялось в вину то, что «в 1941-42 гг., работая зав. радиоузлом на руднике Хапчеранга, совместно с обвиняемым по настоящему следственному делу Серебряковым И.М., занимался подслушиванием фашистских радиостанций и передаваемую фашистскую пропаганду

«Враги народа»

распространял среди своих знакомых, приглашая их на радиоузел для совместного прослушивания и в беседах распространяя ее содержание. Кроме того, проводил среди них антисоветскую, пораженческую и клеветническую агитацию, так совершил пр. пр. ст.ст. 58-10 ч. 2 и 58-11 УК РСФСР».

Читинским областным судом был приговорен к восьми годам лишения свободы. Отсидев «от звонка до звонка» Г.А.Пеньков 7 мая 1951 года освободился и возвратился к свободному труду».

Отбывая наказание, Г.А.Пеньковский, как пишет в автобиографии, «не имел ни одного замечания и нарушения, а неоднократно за свой труд имел поощрения, благодарности и денежные вознаграждения. Из восьми лет отбывания наказания последние пять лет работал на секретной работе в ведении 4-го спецотдела МВД СССР в Москве».

И, тем не менее, несмотря на положительную характеристику, отзывы, работу на секретном ведомстве, Г.А.Пенькову не разрешили проживание ни в Чите, ни в Иркутске. Прибежищем стало только Усолье, где он смог устроиться на работу техником-рентгенологом на местный курорт. Жизнь стала мало помалу налажи-

ваться. После 16 лет перерыва, вызванного тюремным заключением и последовавшими после него невзгодами, к четырем дочерям, хватившим лиха детей «врага народа», прибавилось еще четыре. В 1966 году Г.А.Пеньков ушел на заслуженный отдых и в 1987 году в возрасте 78 лет умер, так и не дожив до реабилитации.

Его дочь, Любовь Георгиевна Чашурина, зная, что Г.А.Пеньков сидел в известных «Крестах», обратилась в Информационный центр Главного управления внутренних дел за разъяснениями и получила следующий ответ из Санкт-Петербурга:

«Уважаемая Любовь Георгиевна!

На Ваше заявление, поступившее в наш адрес из Главного информационно-аналитического центра МВД России, сообщаю, что в Информационном центре ГУВД по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области имеются сведения в отношении Пенькова Георгия Александровича, 1908 года рождения, который был осужден 14 июня 1943 года Читинским областным судом за совершение преступления, предусмотренного ст. 58-10 УК РСФСР (в редакции 1926 года – антисоветская агитация или пропаганда, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений) к 8 годам лишения свободы, с дальнейшим поражением в правах сроком на 3 года и конфискацией имущества. Сведениями о лишении Пенькова Г.А. права проживания в отдельных местностях, а также о каком-либо ограничении свободы после его освобождения Информационный центр ГУВД по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области не располагает. Для сведения сообщаю, что в соответствии с действующим в РФ законодательством о реабилитации лишение права проживания в отдельных местностях не является политической репрессией.

Рекомендую по вопросу получения справки о реабилитации Пенькова Г.А. в связи с его осуждением в 1943 году обратиться в Верховный суд РФ по адресу: ул.Поварская, д. 15, Москва, 101000.

И.о. начальника ИЦ А.Б.Емельянов

За подписью Первого заместителя Председателя Верховного суда Российской Федерации В.И.Радченко пришла

СПРАВКА

Постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР от 5 июля 1989 года приговор Читинского областного суда от 14 июня 1943 года, определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 15 июля и 18 июля 1943 года в отношении Пенькова Георгия Александровича, 1908 года рождения, осужденного по ст. ст. 58-10 ч. 2, 58-11 УК РСФСР к 8 годам лишения свободы в ИТЛ, отменены и дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

По данному делу Пеньков Г.А. реабилитирован.

На этом можно было бы поставить точку, но в семейном архиве Любовь Георгиевна обнаружила отцовские заметки, которые подвигли к дальнейшей переписке с архивами. Но это уже другая история.

В.Скорород

Фёдор Гуторов – сын страшного времени

Сегодня для многих людей тяжелые 30-е годы, сталинские лагеря, послеповинный голод – давно забытое или вовсе малоизвестное прошлое. О том, как жила Россия меньше века назад, современные школьники узнают лишь из учебников истории или редких передач по телевидению. Некоторые из ребят, да и нас, взрослых, даже не задумываются над тем, что где-то рядом, может, совсем близко, живут те, для кого ужас тех страшных времен – личная трагедия, незаживающая рана.

Федор Гуторов с 1957 года живет в Усолье, а настоящая его родина – далекая Кубань. Попасть в Сибирь, ему пришлось пережить очень многое. Судьба приготовила ему страшные испытания с самого рождения.

Голодное лето

Отца Федора Михаила Гуторова вырвало в густой лес Березовке, расположенном среди лесов и болот, вдали от железных дорог и городской цивилизации. Образовали село крестьяне, обожавшие от своих помещиков. Фамилий своих они не имели и давали друг другу прозвища по фамилиям своих бывших хозяев. Дядя Михаил Гуторов когда-то принадлежал помещику Гутору и стал называться Гуторов. В семье дяди было шестеро детей – четыре сына и две дочери. Второй сын Михаил, среднего роста, крепкий, коренастый, с худыми кулаками, стал отцом Федора Гуторова.

Самое первое и страшное воспоминание о детстве – день 7 апреля 1933 года, когда у трехлетнего Федора умерли мать и младший брат Митя. В тот день маленький Федор проснулся на печке рядом со старшим братом, у которого был сильный жар из-за тифа. Отца и дядю лежали в кале, обесилевшие от голода. У отца тоже был тиф, у дяди Вась – малярийная лихорадка. Ребенок проснулся от того, что услышал стон младшего братишки. Совсем маленький, но уже неизвестно какой, с налитыми кровью животом малыш едва шевелил ручками и искал губами материнскую грудь. Но мать была мертва. Она умерла от голода. Федя сел с печки, голова кружилась от босония, а в доме не было ни крошки еды. Он попытался дать Мите воды, но тот не смог ее пить.

Отца попросили подать воды, потом попытался встать, но тут же снова упал на соломенный матрац. Глядя на мертвую жину и голодного младшего сына, он беззвучно плакал от босония, потому что никому не смог им помочь. Федя очень хотело есть, и он вышел в заросший бурьяном огород. Чтобы хоть как-то насытить себя, он рвал молочай и ел, но от сорняков почти сразу разболелся живот. Ребенок снова вернулся на печку и уснул. Через какое-то время пришли незнакомые люди, мужчины и женщины, и забрали тела матери и маленького Мити. Они увезли их на телеге, где было еще много мертвых людей. Всех их хоронили на кладбище без гробов и похоронных церемоний: люди тогда умирали целыми семьями, и их было слишком много.

Вечером та женщина, что забрала тела матери и братья, принесла ведро кукурузной муки. Для оставшихся в живых это стало спасением. Федор с дядей понесли в дом хворост, растопили плиту и сварили мамалыгу, так называлось блюдо из кукурузной муки и воды. Тогда оно казалось самым изысканным. Дядя Вася был знакомым сельским трам, он рвал их и варил помидоры, добавлял кукурузную муку. Так от семьи отступила угроза голодной смерти.

После гибели матери осталось трое ребятишек. Старшая, десятилетняя сестренка, жила у бабушки, где не умирали

от голода. Через какое-то время отца стал поправляться, они с дядей Васей посидели тыжку, кукурузу и немного картошки, семечка приносила все та же женщина, что забрала тело матери.

Рядом жила соседка Устинья с маленькой дочкой Ревей. Она осталась вдвоем с тремя детьми после прихода к ним в дом активистов из комитета содействия. Муж Устинья, чтобы оставить хоть какую-то еду для семерки, закопал в землю несколько мешков зерна. Активисты, вооруженные железными штыками, специально изготовленными для поиска зарытого в землю зерна, обнаружили спрятанные мешки и стали выкапывать. Муж Устинья в отчаянии схватил вилы и бросился на них. Один из пришедших застрелял его в упор. Так Устинья осталась одна с тремя ребятишками и без еды. Вскоре дети умерли один за другим. Устинья сама похоронила их в огороде. Через несколько дней после смерти последней дочки Ревей она и сама умерла. Такие истории было множество. К Гуторовым тоже приходили активисты, но искать было нечего.

Маленький Федя некоторое время жил с отцом один, братишку забрал дядя, когда начал работу на колхозной скотферме. Глаза мамы работало в утра до вечера, он получал хлебные карточки и аванс. По карточкам полагалось восемьсот граммов хлеба в сутки на работающего и двести граммов – на иждивенца. Федя постоянно мучило чувство голода. Отца приходило домой поздно, варил ест и тут же засыпал, защитить мальчика было некому. Иногда со скотфермы прилегал старший брат, но большую часть времени Федя проводил один.

Через какое-то время отец привел в дом мамочку – Ульяну, коренную казачку. Когда-то их семья жила в достатке

в кубанской станице Славянской. В 1932 году ее муж Пантелей расстреляли за то, что он взял несколько горстей отрубей с колхозной мельницы.

Оборванная юность

Голодное детство – не единственное страшное испытание в жизни Федора Гуторова. После войны, в 1946 году, он поступил в техникум в городе Новороссийске. Зимой 1946-1947 годов был голод. Учащимся техникума давали 500 граммов хлеба в сутки и два раза в день жидкий суп по продовольственной карточке. Есть хотелось постоянно. Стипендия составляла 140 рублей в месяц, а булка хлеба стоила 200 рублей. Федор был партнером по шахматам секретаря горкома комсомола, который и помог ему устроиться на работу в железнодорожную охрану. В то время слесари шахтеров были очень частыми, а Федор готов был бороться с «ворюгами», как их называли. Его зачислили в оперативную разведывательную группу по охране грузов при движении поездов. Их командиры зачислялись в Новороссийске. Работа заключалась в том, чтобы ловить ворюг. Но, как он сам писал через некоторое время, на железнодорожных станциях и поездах были только мелкие воры. Крутые сидели в кабинетах и были недоступны. Федор искренне верил в честность своих командиров, но, поработав некоторое время, стал замечать, что многие из того, что они делают – нечестно. Не раз у него подпадали неизвестные личности, которые предлагали деньги за предоставление возможности разграбить вагон. Но Федор работал по чести и никогда никому не обманывал и не воровал. Потом он стал все чаще замечать, что по отношению к нему повелись неприятели со стороны старых бойцов и начальники команд. Однажды Федор, уставший и обесилевший, задремал, а когда проснулся, обнаружил, что из кармана исчез пистолет. Нечто, естественно, ничего не видел, и тогда Ф Гуторов решил обратиться в крайком комсомола. Поехал в Краснодар, но секретаря нигде не нашёл, когда вернулся в казарию, его арестовали у него в кармане оружие и документы. После ареста и суда его вместе с другими тысячами заключенных отравили в ГУЛАГ.

Их везли в одном из эшелонов на север, в Заполярье. Приходилось лежать в тесноте на голых нарах, в дороге вы-

жи на снежные скелеты. Всех кормили турнепсом и репой, от которых становилось только хуже.

Федор был одним из немногих, кто еще мог держаться на ногах. Когда его увидели старший по барaku, назначил в команду по обслуживанию барака. Это решило его судьбу, ему выдали одежду, накормили овсяной кашей. В обязанности входило завозить на кухню турнепс, репу, мороженый картофель и уголь для барака. Но главная работа была – вывозить в тундру «хирургов» – умирающих заключенных. Дольше в мерзлой земле могилы не требовалось, поэтому тела оставляли прямо на земле.

После освобождения Федор Гуторов вернулся в Новороссийск, там по рекомендации секретаря парторганизации устроился на завод, тогда ему исполнилось 20 лет. Одновременно он поступил во Всесоюзный индустриальный техникум в Москве. В 1954 году защитил диплом, работал в инженерной должности. 7 апреля 1957 года он приехал в Усолье. Сначала был строителем, строил 20-й квартал, второй участок. Потом тридцать лет проработал на заводе горного оборудования.

Десять лет назад Ф. Гуторов наним адвоката, чтобы подготовить документы для реабилитации. Она была нужна, чтобы те три года, что он отработал в лагере, засчитали в трудовой стаж, иначе пенсия очень низкая. Послал запрос в Краснодар, но ответа нет и по сей день. Позже он обратился в Усольское отделение ФСБ, ему ответили, что эта служба занимается только политическими заключенными. А поскольку его осудили по военной статье 193-й, то этот орган помочь ему не может. Поэтому Федор Михайлович мямлил на это дело рукой.

Теперь главная задача, или скорее мечта Федора Гуторова – выпустить книгу, в которую войдут его воспоминания о своей жизни и размышления о судьбе России. Сейчас он дописывает свое произведение, но боится читать книги ужасного. Самое главное теперь – найти спонсоров, который был согласен дать деньги на издание книги, но пока поиски не увенчались успехом.

Ольга Чернухина

Фото Александра КАМИЛОВСКОГО и из семейного архива Ф. Гуторова.

На юбилей отца собралась семья. Федор Гуторов (во втором ряду крайний справа) недавно вернулся из лагеря.

По политической статье...

Тема репрессий тридцатых годов нетленна и неисчерпаема, так же, как и вся отечественная история, где не чести «черных» и «белых» пятна, над которыми еще предстоит поразмыслить не одному поколению. В том числе и краеведам-усольчанам.

Не обошли стороной политические репрессии и город Усолье (тогда уже не село) периода конца тридцатых годов, ударив по судьбам усольчан независимо от вероисповедания и национальности. Включая татарское население, неразрывно связанное с историей села, а затем и города.

Одним из подвергшихся репрессиям стал **Ахмедзян Шакиров**, он родился в Усолье в 1902-м и жил в одном из частных домов на улице Интернациональной. Сотрудники НКВД арестовали его в июне 1938-го. На момент ареста он работал электромонтером на заводе № 97. Арестованному вменялось в вину, что он якобы «является активным участником контрреволюционной организации и проводил диверсионно-вредительскую работу». Но на самом деле, по словам его правнука усольчанина **Виталия Урниова**, располагающего некоторыми сведениями о своем прадеде, того (как и многих в те годы) «сгубил язык». Потому что Ахмедзян был человеком, любившим порассуждать на людях на различные темы, в том числе и политические. И кто-то из доброжелателей соответственно донес о разговорах куда следует...

Из предоставленных в редакцию Виталием документов, копии которых были получены в органах госбезопасности, явствует, что по антисоветскому делу проходили семь человек татарской национальности. И в справке на арест **А.Шакирова**, например, указано, что «один из участников контрреволюционной организации дал показания» о том, что «Шакиров Ахмедзян, около 35-ти лет, проживающий в Усолье, работает электромонтером на сользаводе. Был завербован мною в контрреволюционную организацию в 1931 году, в результате обработки его в контрреволюционном националистическом духе». Там же говорится, что Шакиров состоял в диверсионной группе на сользаводе, которая якобы готовилась взорвать заводскую электростанцию. А каким способом добывались такие признания-показания в те годы, теперь уже известно из воспоминаний тех, кому посчастливилось выжить в застенках НКВД и пройти через сталинские лагеря. И безо всякого сомнения, **А.Шакиров** стал жертвой такого оговора. А brave товарищи энкаведэшники получили благодарности и повышение по службе за раскрытие очередного антисоветского заговора.

В семье Шакировых, кроме отца и матери, было четверо детей: два брата и две сестры. Из которых ныне жива только младшая, Галина. Сейчас ей по возрасту за восемьдесят, и живет она в частном доме в поселке Зелёном.

Ахмедзян в тридцатые годы был уже семейным человеком, и его сыну (деду Виталию) было одиннадцать лет, когда арестовывали отца. Кстати, с сыном

А.Шакирова Рафаилом в свое время учился в одном классе ветеран войны и краевед, ныне здравствующий **Михаил Васильевич Аринкин**, отметивший в прошлом году 90-летний юбилей. Впоследствии, уже в наше время, **Рафаил Шакиров** занимался строительством мечети в Усолье...

А тогда, в июне 1938-го, Ахмедзян Шакиров, работага-электрик, был арестован как «активный участник контрреволюционной организации, по заданию которой проводил диверсионно-вредительскую работу» (как указано в постановлении об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения за подписью начальника Усольского РО НКВД, лейтенанта госбезопасности). Имеется и копия обвинительного заключения по делу № 6851 (от 1938 года), утвержденного начальником управления НКВД по Иркутской области, майором госбезопасности, в которой говорится, что «Третьим отделом УГБ НКВД в 1938 году вскрыта и ликвидирована контрреволюционная буржуазно-националистическая шпионско-диверсионная татарская организация». И далее указано, что центр данной организации находился в Уфе, и в годы гражданской войны она «всемерно поддерживала белогвардейцев и интервентов». Ею были созданы татарские добровольческие воинские части, действовавшие в составе белогвардейских армий Колчака, Семенова и Унгерна, которым «татарские и башкирские купцы и миллионеры оказывали огромную материальную помощь». А после гражданской войны члены организации «эмигрировали за границу и по заданию иностранных разведок развернули активную контрреволюционную деятельность против Советского Союза». Вот в такой организации в числе семи других единоверцев-мусульман и причислили **А.Шакирова**, бывшего члена ВКП(б), из которой он в свое время

был исключен за систематическую пьянку. Ему вменялась в вину шпионская деятельность в пользу японской разведки и участие в панисламистской тюрко-татарской организации. А завербован он был якобы «агентом японской разведки Дулатовым В.М. в городе Усолье-Сибирском, которому будто бы «передавал шпионские сведения о политическом настроении населения Усольского района и о проследении грузов водным транспортом по реке Ангара в северные районы». Далее: «...им передавались сведения о прохождении воинских эшелонов на Дальний Восток по железной дороге и кроме того будучи рабочим сользавода он по заданию Дулатова проводил диверсионно-вредительскую работу». Которая выражалась в том, что электрик Шакиров «сжег счетчик на 800 ампер и в том же году вывел из строя мотор в 34 лошадиных силы». Кроме того, «вредительски смонтировал прибор в 380 вольт, который не выдержал напряжения и вышел из строя». И т.д. и т.п. А также «лично сам завербовал в контрреволюционную организацию братьев Айнутдиновых». Заканчивается обвинительный документ словами: «виновным себя признал» и «изобличается показаниями других участников контрреволюционной организации Дулатова В.М.». Итогом чего и стал приговор к высшей мере наказания – расстрелу, который и был приведен в исполнение в том же 1938-м...

Где конкретно был расстрелян-убит Ахмедзян Шакиров, доподлинно неизвестно. Но когда открывали мемориальный комплекс в память о погибших в годы политических репрессий у поселка Пивовариха, то родственники-усольчане поместили его фотографию среди других таких же репрессированных. Чтобы подобное никогда не забывалось и не повторилось...

О. Сурусин.
Фото из семейного архива Шакировых

СССР
 МИНИСТЕРСТВО
 ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Форма «А»
 ВИДОМ НА ЖИТЕЛЬСТВО НЕ СЛУЖИТ.
 ПРИ УТЕРЕ НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ.

2-БЕ

194 г. СПРАВКА № 23955

Выдана гражданину (имя) Черепанову Ивану Александровичу

1914 года рождения, уроженцу (национальность) Иванов, Косаковский р-он ССР

гражданство (подданство) СССР национальность русский

осужденному (ой) Суд. кол. по Уголов. Делах Иркутского облсуда

"10 октября 1940 г. по закону от 7 августа 1932 г. УК к лишению свободы на десять лет с поражением в правах на пять лет

десять года, имеющему (ей) и прошлом судимости с 1932 году по Закону от 7 авг. срок 10 лет

в том, что он (она) отбывал (ла) наказание и местах заключения МВД по 19 августа 1948 г. и по отбытию срока наказания. Освобожден (а) при НКВД СССР. Срок снижен на 1 год, 9 мес.

Освобожден (на) 19 августа 1948 г. и следует к избранному месту жительства Гудинская Сер.

(город, село, дер., район, область)

до ст. Жарая Забайкальской жел. дороги.

Печать

Нач. Савельева И.И.

Секретарь Савельева И.И.

Савельев

Савельев

Перед вами справка усольчанина Ивана Александровича Черепанова, осужденного судебной коллегией по Уголовным делам Иркутского облсуда 10 октября 1940 года по закону от 7 августа 1932 года на десять лет лишения свободы с поражением в правах на пять лет. В 1944 году особым совещанием при НКВД СССР срок был снижен на год и девять месяцев. 19 августа 1948 года по отбытию срока наказания в исправительно-трудовом лагере освободился и, получив продовольствие на десять суток, билет на проезд в плацкартном вагоне и 110 рублей на питание в пути, уехал к избранному месту жительства. Пять лет эта справка являлась единственным документом. Лишь только по прошествии пяти лет в 1954 году он был восстановлен в правах, получил паспорт и военный билет.

РАССТРЕЛЯННАЯ БРИГАДА

6 сентября 1938 года в селе Ангара (г. Усолье) по вине тайного агента НКВД Иосифа Штромберга (Иван Широков) произошли массовые аресты ни в чем не повинных людей. Не избежала ареста и бригада деревообработчиков из ДОС-1. Вот их имена: бригадир Николай Чернышов, Борис Колесов, Егор Кузнецов, Василий Корнаухов, Григорий Семенов, Федор Егоров, Петр Антонов, Иван Дулебец, Анатолий Белов, Алексей Юрченко, Федор Плотников. Всех их обвинят в троцкизме, и 8 октября этого же года приговорят к расстрелу. Однако родственникам расстрелянных не суждено было узнать правду. Спустя 40 лет бригаду Николая Чернышова реабилитируют посмертно. С них будет снято клеймо "врагов народа", которыми они не были.

Олег Темников
На снимке из архива Николая Шадрина: бригада Николая Чернышова

Темников, Олег. Расстрелянная бригада / О. Темников // Усольские новости и мировые репортажи. - 2000. - 31 авг. : фот.

Усольские железнодорожники

Петр Григорьевич Гавриш родился в 1900 году в Черниговской губернии, на Украине. После срочной службы в армии Петр Григорьевич женился на односельчанке Софье Владимировне, которая была родом из того же села на Черниговщине, что и муж. В 1933 году семья Гавриш переехала в Усолье. Глава семейства устроился работать на станцию «Ангара» весовщиком на железнодорожный товарный двор. Жили по тем временам неплохо. По крайней мере проблем с продовольствием не было, здорово выручало подсобное хозяйство и огород. Петр Григорьевич, несмотря на четыре класса образования, был по тем меркам грамотным человеком. Начальство его за природный ум и безупречную работу очень ценило.

11 марта 1938 года в половине шестого утра в окошко их дома раздался стук. Открыв дверь, на пороге увидели двух сотрудников усольского НКВД. Предъявив документы, они тут же начали обыск квартиры. В протокол внесли охотничье ружье и овчинный тулуп. Взяв вещи и котомку с продуктами, Петр Гавриш попрощался с детьми, женой и вышел на улицу. Жена Софья осталась с пятью детьми одна.

Всего в эту ночь было арестовано около тридцати усольских железнодорожников. Два раза Софья Владимировна со старшими детьми ездила в иркутскую тюрьму навестить мужа и отца. Первый раз ответ был такой: «Находится в больнице». Во второй раз сказали очень коротко и категорично: «Выбыл». Как через много лет поняли родные, «выбыл» означало расстрелян.

Свидетели тех событий помнят лишь некоторые фамилии усольских железнодорожников, арестованных в ночь на 11 марта 1938 года: Банков, Краинские, отец и два сына (дед и два дяди известного в области журналиста Бориса Краинского). Все они были осуждены судом-тройкой (в нее входили секретарь обкома, главный прокурор и главный судья) и приговорены по статье 58 (три пункта) к расстрелу

«ПРИЧИНА СМЕРТИ - РАССТРЕЛ...»

Я не знала своего деда: он погиб задолго до моего рождения. К сожалению, и сейчас о нем известно не так уж много. Осталось лишь несколько его фотографий да казенные строки документов. Воспоминания о нем сохранились лишь в памяти его жены и старшей дочери, но их тоже уже нет с нами, и только иногда удается припомнить что-то из их былых рассказов.

Андрей Викторович Воронечский родился в селе Долбаево Бельского уезда Гродненской губернии в 1878 (по другим документам - в 1880) году. Он был обыкновенным человеком, и его жизнь вряд ли можно считать особенной: мой дед разделит участь сотен тысяч своих соотечественников, стал одним из многих. Когда и почему поляк Воронечский оказался в Сибири, неизвестно. Скорее всего, был сослан сюда еще при царе за участие в каком-либо антиправительственном выступлении. А может быть, прибыл в Сибирь сам, в поисках лучшей доли, да так и остался жить здесь, полюбив наши необъятные просторы... Во всяком случае, он искал в этом краю не клеймо врага народа и не пулю в затылок.

Еще до Октябрьской революции Андрей Воронечский работал в локомотивном депо станции Иркутск-Сортировочный. По каким-то делам в 1914 году он поехал в Зиму и там встретил совсем юную, шестнадцатилетнюю девушку - она продавала товары в лавке своего отца. Судя по фото-

ворила, так звали одну из сестер Андрея. В 1933 году родилась Эмилия (моя мама), названная в честь другой его сестры. Андрей Викторович был уже не молод, но оставался здоровым и сильным и, наверное, думал успеть вырастить детей и понычть внуков. Не успел...

Двадцатого октября 1937 года он, как обычно, ушел на работу и больше не вернулся. Вместо него в дом пришли чужие люди, переворнули все и выставили женщину с маленькими дочками (одной не было и десяти лет, другой - пяти) на улицу. Стоял конец октября - зима была совсем близко. На несколько дней их приютил кто-то из знакомых. Другой успел увести со двора корову и спрятать. За эту корову бабуся задержали и не выпустили три дня, требуя сказать, где она. Но бабуся на все вопросы отвечала, что не знает, ушла корова - и пропала. Эта корова, возможно, и спасла их потом от голода. В Иркутске им больше было негде жить. Бабуся едет в Зиму, где жила ее сестра, Зоя. Но муж сестры отказался принять жену и дочерей врага народа. Их приютити в одной из деревень недалеко от Зимы, позволив поселиться в пустующем жилье. Каким-то чудом перевезли сюда и корову-кормилицу.

Бабуся постоянно пыталась узнать что-либо о судьбе мужа и хлопотала о возвращении дома. Его через несколько лет отдали, конфискованное имуще-

ство вернуть не удалось. До их возвращения там со своей семьей жил какой-то чин из НКВД: все, что не конфисковали, было растащено. Но главное - они снова жили в своем доме, и теплилась надежда, что отпустят их мужа и отца...

Шла война. Бабуся работала на пекарне. Иногда удавалось тайком пронести спрятанные в одежде хлебные крошки. Они выжили, но от Андрея Викторовича все эти годы не было ни весточки. Начиная с 1940 года стали приходить ничего не значащие отписки: «О судьбе Вашего мужа Вам сообщат... по окончании проверки дела». Но даже эти скудные строчки позволяли надеяться, и родные продолжали ждать, и родные продолжали ждать. Лишь в 1958 году сообщили, что «В 1942 году Воронечский, находясь в лагере, умер... и «... дело прекращено и гражданин Воронечский А.В. реабилитирован посмертно».

Наша бабуся замуж больше не вышла, жила заботами детей и внуков. Умерла в 1980 году в возрасте 82 лет, дождавшись внуков, внучек и правнучек, сохранив до конца трезвый ум и ясную память.

В конце 80-ых, когда стали раскрывать архивы, старшая дочь Раисы и Андрей Воронечский, Евгений, продолжавшая жить в их старом доме, снова начала беспокоиться о судьбе отца. Девятого января 1992 года Управление КГБ Иркутской области в ответ на ее запрос прислало документ следующего содержания: «Воронечский А.В., по национальности поляк, гражданин СССР, беспартийный, до ареста работал мастером тепловой промышленности паровозов локомотивного депо ст. Иркутск-2, ... был арестован Дорожно-транспортным отделом ГУТ НКВД по ВСЖД 20 октября 1937 года. Постановлением НКВД СССР и Прокурора СССР от 6 января 1938 года был подвергнут расстрелу по ст. 58 п. 1а, 7, 9, 10 УК РСФСР. Дата смерти 19 февраля 1938 года. Захоронен в районе с.Пивовариха

Иркутского района, где в настоящее время открыто мемориальное кладбище жертв сталинских репрессий.

Военным трибуналом Заб.ВО 11 апреля 1958 года Воронечский А.В. был реабилитирован, посмертно, за отсутствием состава преступления».

Вместе с документом высланы удостоверения личности железнодорожника, профсоюзный билет, пропуск и фотография.

Что же означает ст. 58 п. 1а, 7, 9, 10 УК РСФСР? Обратимся к первому тому «Архипелага ГУЛАГ» А.И.Солженицина:

«... великая, могучая, обильная, разветвленная, разнообразная, всеподметающая Пятьдесят Восьмая...»

С 1934 года... сюда вставлены подпункты измена Родине - 1-а, 1-б, 1-в, 1-г. По этим пунктам действия, совершенные в ущерб военной мощи СССР, караются расстрелом (1-б) и лишь в смягчающих обстоятельствах и только для гражданских лиц (1-а) - десятью годами.

... Седьмой пункт: подрыв промышленности, транспорта,

торговли, денежного обращения и кооперации.

... Девятый пункт - разрушение или повреждение... взрывом или поджогом (и непременно с контрреволюционной целью), сокращением именованное как диверсия.

... Десятый. Звучание его было: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти...»

Часть бережно хранимых нашей семьей документов уже пожелтела от времени. Я держу их в руках и чувствую, что это - живая история, не только моей семьи, но и частичка истории всей страны. Нам нужно знать и помнить ее, хоты бы для того, чтобы отдельные ее главы не повторились больше никогда.

Е.Шрамко.
На фото из семейного архива: Андрей Воронечский (крайний слева) незадолго до ареста на отдыхе на курорте «Усолье»; жена Андрея Воронечского с внуком Юрой

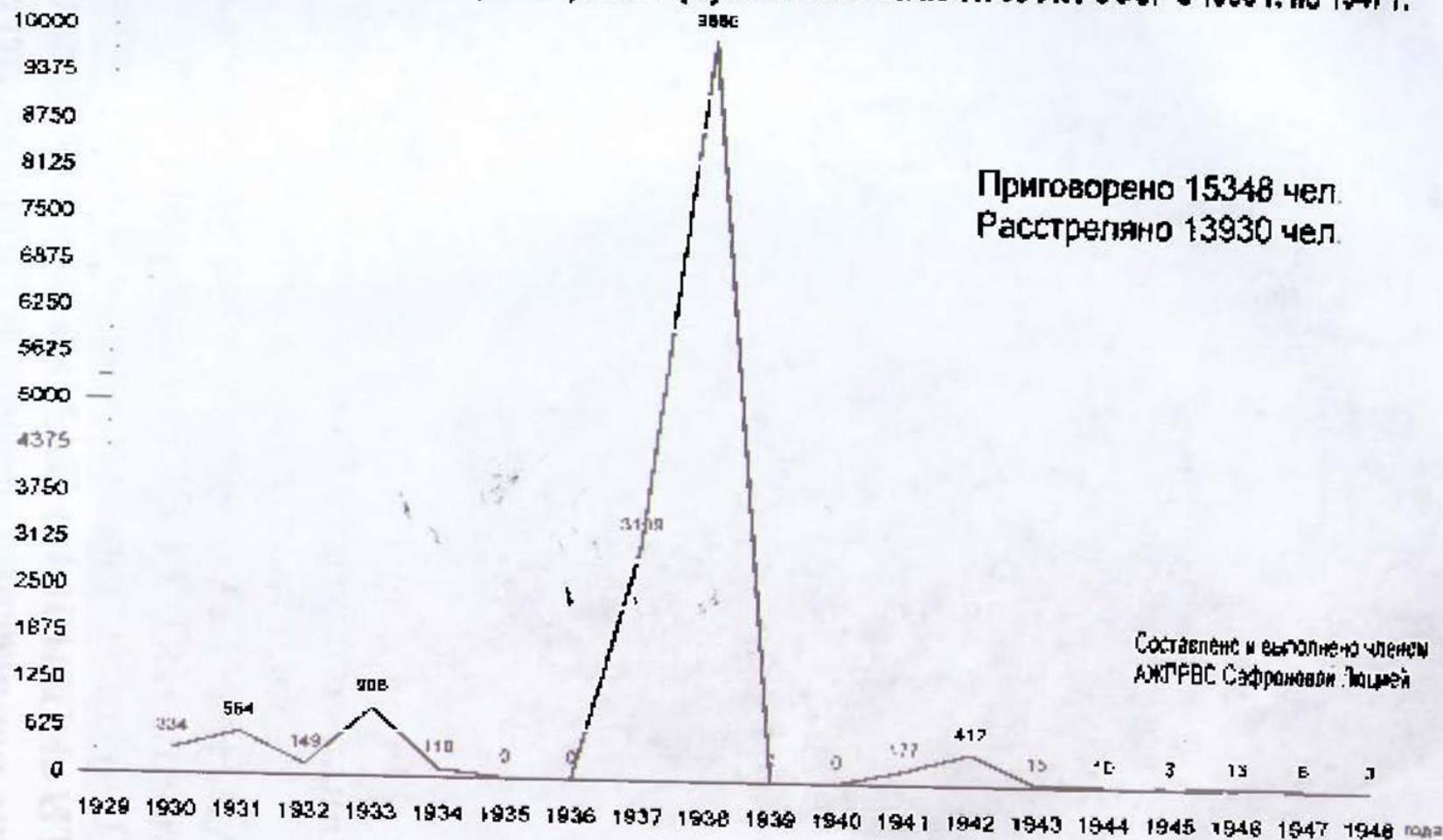

ПІВОВАРИХА

Сведения исполнения приговоров по Иркутской области по ст. 58 УК РСФСР с 1930 г. по 1947 г.

ВСИТ • Мемориал 4.10.89

ЭХО ДАВНЕЙ ТРАГЕДИИ...

ИТАК, областная прокуратура 2 октября возбудила уголовное дело по захоронениям жертв репрессий 30-х годов под Пивоварихой, скрытых от глаз модницы больше чем на пять десятилетий. Вместе с участниками поисковой группы УКГБ, активистами добровольного общества «Мемориал», работниками областной прокуратуры, коллегами из газеты «Советская молодежь» мы, вместе с нашим фотокорреспондентом Валерием Гаращуком, выезжаем в район Пивоварихи.

Стоит светлый осенний день, порывы прохладного октябрьского ветра срывают с деревьев пожелтевшую листву, мягко подтопую на поющую траву. С одной из проезжих дорог ступаем в редкий кустарник, и перед нами открывается большая поляна. Многие годы здесь высинивалась картошка. Потом это поле заросло, ибо нет-нет раздавались осторожные советы: «Нельзя здесь работать, опасное это место». Нашлись хозяева, которые попросту отмахивались от этих советов. Самали...

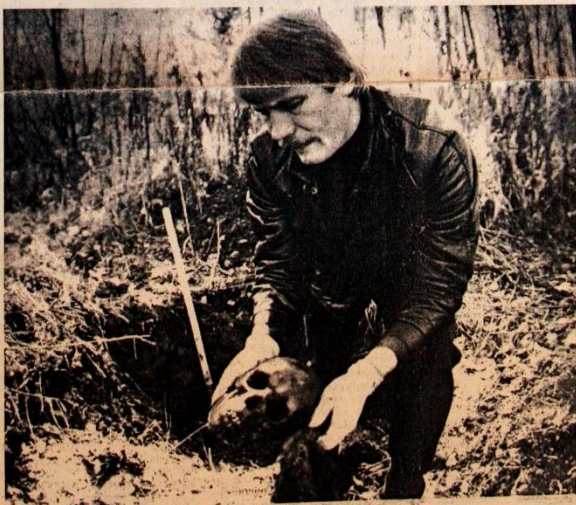
Да и вряд ли кто мог догадаться, что здесь есть какое-либо захоронение. Но люди помнили, что в конце тридцатых годов этот довольно большой участок тщательно охранялся, местные жители сюда никто из посторонних. В этом районе зимой гревели динамитные взрывы, гревели так, что подрагивали стекла в жилых зданиях. А потом сюда шли закрытые брезентовые машины...

И вот мы на лесной вырубке, сделанной уже в пятидесятые годы. Только опытный глаз определит, что по одной из кромок этой вырубki чуть-чуть траншея, местами чуть

проваливающаяся. Но она надежно, еще в давние времена, обложена дерном... Когда поисковая группа УКГБ и общества «Мемориал» после долгих, часто безуспешных попыток найти хотя бы одно из захоронений, после опросов немногих прямых или косвенных свидетелей тайн этих мест подошла к этой траншее, то на сравнительно небольшой глубине ей удалось сразу же наткнуться на останки человеческих тел...

Смотреть на эту открывшуюся многолетнюю тайну тяжело. Это были не просто захоронения, а скваля трупов «врагов народа». Никто не знает их имен. Кто была эта молодая женщина, чей череп обнаружен в первом же слое захоронения? Над ним отсыпанные, сплывшиеся волосы, заплетенные в косу. Можно различить и цвет носки, она русая с золотистым оттенком... Жертвой чего доносилась стала эта женщина? Тайны, тайны, тайны... Больше понаблюдав, мы расстелили стальные палачами участники поисковой группы не стали. Захоронения присыпали осенней землей. Сейчас дело за областной прокуратурой, которая, как уже известно, возбудила по этому захоронению уголовное дело. Его поручено вести следователю по особо важным делам облпрокуратуры Виктору Александровичу Ермачу.

Вечером, 2 октября, у заместителя председателя облисполкома В. В. Игнатова состоялось рабочее совещание по определению дальнейшей судьбы захоронений в районе Пивоварихи. В нем участвовали начальник УКГБ И. В. Федосев, начальник УВД облисполкома И. Д. Татаренко, зам. областного прокурора П. Н. Парей, председатель добровольного общества «Мемориал» А. Л. Александров, зав. кафедрой археологии госуниверситета, доктор исторических наук, профессор Г. И. Медведев и другие. На заседании детально был обсужден порядок организации работ в рай-

оне захоронений, высказывалось мнение, что это место в недалеком будущем следует объявить мемориальным, отметить. Памятным знаком, чтобы люди имели возможность поклониться праху жертв сталинского террора.

Словом, вперед много еще кропотливой работы.

А. СЕМЕНОВ,
корр. «Восточно-Сибирской правды».

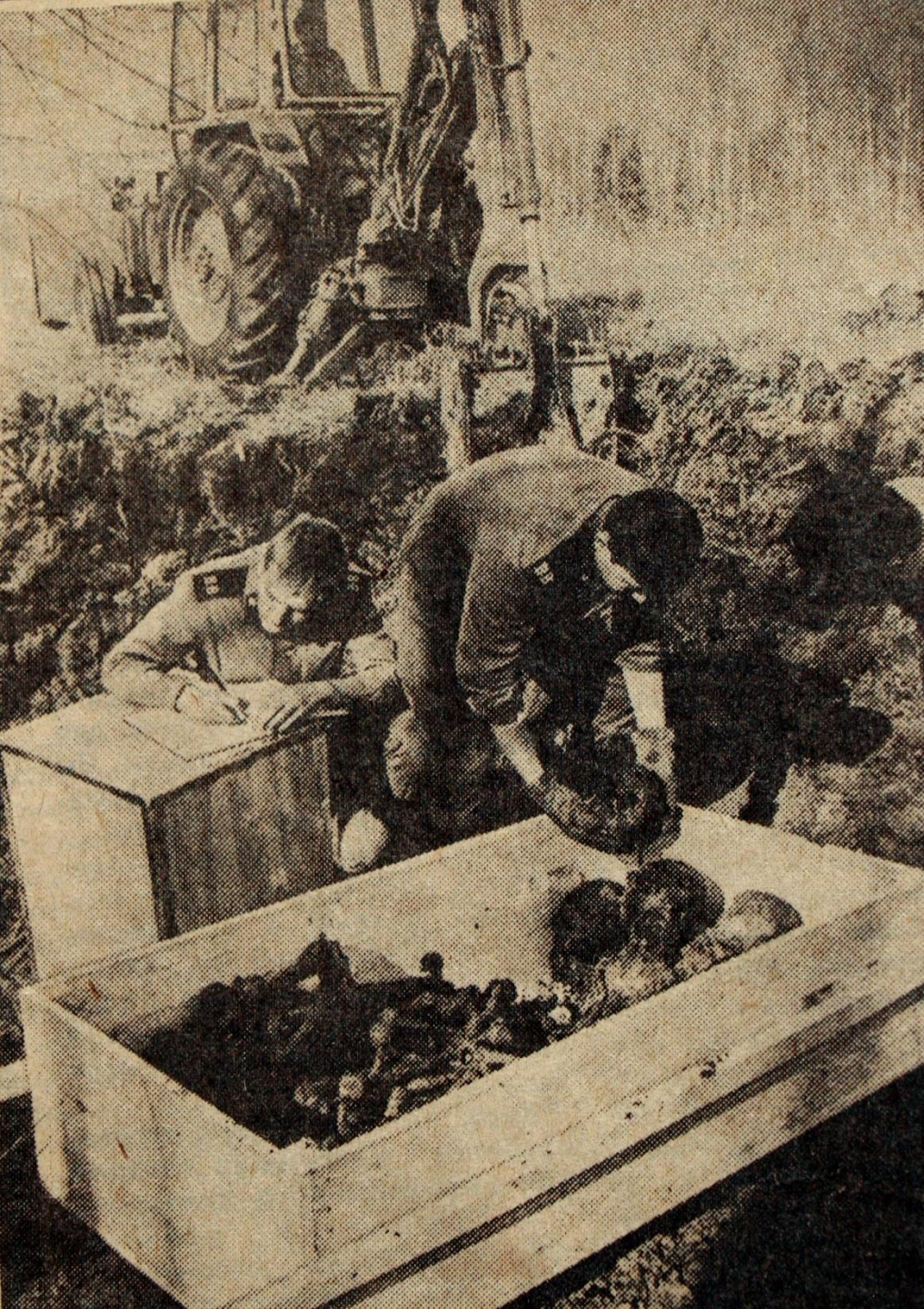
НА СНИМКАХ: в районе захоронений жертв репрессий. Первые раскопки.
Фото В. ГАРАЩУКА.

ГОСТЕПРИИМНЫЙ «ХАЗАР»

Многим по душе благодать азербайджанской национальной кухни. Ароматная кофта, сочные люля-кебаб и долма, аппетитные шашлыки. Увы, спортивны в ресторанах дождь той или иной кухни, вот почему кооперативные кафе, где основу меню составляют национальные блюда, пользуются большой популярностью среди иркутян и гостей города. На привокзальной площади расположилось кафе «Хазар». Работает здесь всего несколько человек во главе с Х. М. Вахабовым, но ежедневно успевают они обслужить не одну сотню посетителей.

Вскрыт один из 3-х обнаруженных рвов. В черепах найдены пулевые отверстия. Раздробленные кости лиц, проломленные затылки, вмятины на висках говорят о том, что людей добивали чем-то тяжелым: прикладами, лопатами. Люди, зарытые во рву, оказались с личными вещами, подтверждением тому служат остатки дамских сумочек, портфель, теплые вещи, нашли даже подушку. Значит, расстреливали людей и на краю рвов.

Череп, кости укладывались в ящики..
Всего было извлечено 308 черепов.
Установлено, что во рву останки людей,
убитых в 1937 – 1938 годах.
Другие рвы копать не стали...

11 ноября 1989г.

Было произведено захоронение в гробах приблизительно 300 останков.

В этот день от плотины ГЭС до погоста шли непрерывным потоком автомашины. На похоронах присутствовали дети «врагов народа», родственники, представители власти.

В настоящее время в обнаруженных 4 рвах упокоены более 1200 останков, а расстрелянных более 11 тысяч.

13 июня 1992г. состоялось открытие Стены памяти, инициаторы и исполнители - члены Иркутского отделения Российской ассоциации жертв политических репрессий - родственники невинно убиенных. На стеновую панель из бетона были укреплены

Листки календаря скорби, на которых помещена информация из уголовных дел расстрелянных, взятых в архиве ФСБ Иркутской области.

С 1998 г. по 2006 г. издано 8 томов книг: Жертв Политических Репрессий Иркутской области: память и предупреждение будущему.

В них содержатся сведения о более чем 30 тысячах человек, подвергшимся политрепрессиям пофамильно от А по Ц.

КНИГА ПАМЯТИ ЖЕРТВ

Иркутск

Издана в 2007 г. на личные сбережения.

Автор

Сафронов Рево Петрович
1928-2015гг.

Содержит сведения о работе Иркутского областного отделения Российской ассоциации жертв политических репрессий по обустройству Мемориального кладбища в Пивоварихе и 8323 справки о репрессированных.

**РЕПРЕССИИ.
Как это было**

Издана в г. Усолье-Сибирское
Иркутской области в 2010 г.

Автор-Татьяна Георгиевна
Кулиш собрала материал в
память о репрессированных
земляках.

**ПУСТЬ КНИГА БУДЕТ ПАМЯТЬЮ О КАЖДОМ,
КТО ПОСТРАДАЛ ОТ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ.**

Татьяна Кулиш

Александр Донских

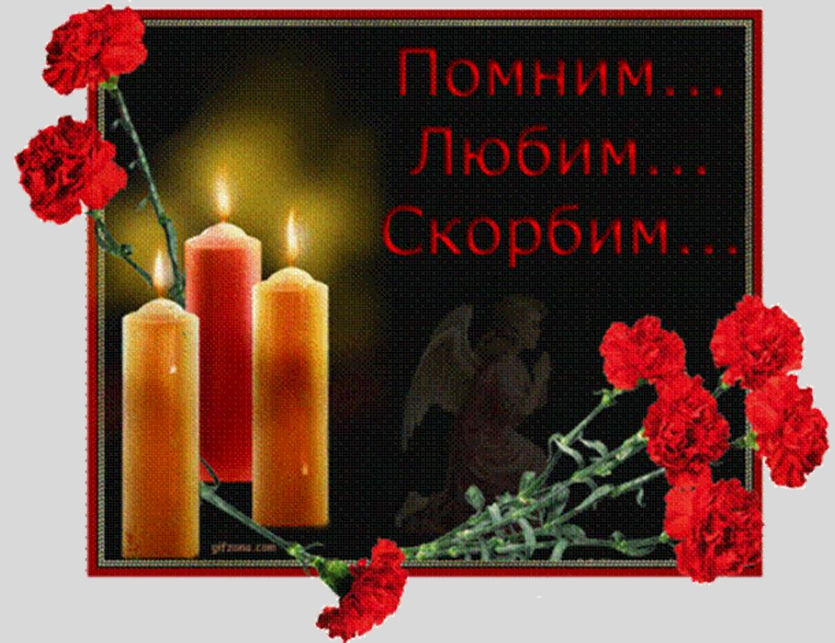
The book cover features a central circular image of a bare tree with its roots glowing like a sun over a body of water, held in the palm of a hand. The background is dark with a subtle rainbow-like glow. At the bottom, a small boat is visible on the water.

Божий мир

Маленькая повесть

Издана в Германии в 2015г.
Автор живет в п. Пивовариха.
События изложены по личным
общениям с жертвами
политических репрессий, чудом
выжившими, и даже - с
палачами.

*Повесть напечатана в журнале
«Сибирь» №3 2014г.*

Миллионы загубленных жизней, искалеченных судеб – великая трагедия великого народа. Сегодня это уже история, о которой долгое время было запрещено говорить, которую и по сей день стараются замалчивать.

Время не повернуть вспять и не исправить того, что уже сделано, но забывать о репрессиях – ещё большее преступление, чем сами репрессии. Будущее невозможно без прошлого.

Анатолий Вадимович Крушинский

bibliograf_i_kraeved@mail.ru

***– Отдел библиографии и краеведения
Центральной городской библиотеки***

Режим доступа: **<http://noviy.usoliecbs.ru/>** - сайт
Центральной городской библиотеки

Режим доступа: **[http://noviy.usoliecbs.ru/elektronnyj-
katalog/](http://noviy.usoliecbs.ru/elektronnyj-katalog/)** - Электронный каталог Центральной
городской библиотеки

***Отдел библиографии и краеведения
Центральной городской библиотеки***